

Об авторе

Уильям Лейт сотрудничает с такими изданиями, как *Independent on Sunday*, *Mail on Sunday* и *Observer*. Его статьи и очерки охватывают широкий круг тем — от питания до косметической хирургии, моды и кинематографа. Он писал об африканских диктаторах, политической напряженности в Палестине, ночной жизни Бангкока, продюсерах Голливуда, гуру новомодных диет и смерти Джеймса Дина. Уильям Лейт является автором двух книг — «Голодные годы» (*The Hungry Years*) и «Саморазрушение» (*Bits of Me Are Falling Apart*).

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	49
Глава 3	83
Глава 4	133
Глава 5	175
Эпилог	227
Выражение благодарности	237
Об авторе	239

1

Такое впечатление, что я активно желаю быть бедным.

Что я *предпочитаю* быть бедным.

Что всячески стараюсь привлечь в свою жизнь бедность: эй, бедность, приходи ко мне, я тебя люблю.

С такими мыслями я просыпаюсь в тот день, когда мне предстоит раскрыть секрет обладания миллионами.

В пятидесяти милях от моего дома, в *Chelsea Harbour*, в гостинице, которую я никогда не видел, но представлял себе в виде белого здания с большими стеклянными панелями, меня ждет Джордан Белфорт.

Да-да, тот самый Волк с Уолл-стрит. По крайней мере, так он называет себя в своей книге с одноименным названием.

Насчет названия я не уверен.

Если бы я написал книгу о том, как заработал миллионы, но по-прежнему чувствовал себя бедным, если бы я написал книгу о внутренних противоречиях, финансовых махинациях и жизненных перипетиях, то назвал бы ее как угодно, но только не «Волк с Уолл-стрит».

Хотя не это важно.

Важно то, почему одни люди умеют зарабатывать деньги, а другие нет, и эта тема меня не просто интригует, а сводит с ума.

Я никогда и никому не говорил, что у меня ментальное расстройство по части финансов. Мною движет механизм, всячески мешающий мне разбогатеть; хуже того, он маскируется под механизм, нацеленный на противоположный результат.

Это вражеский агент, скрытый в глубинах моего подсознания, и я не знаю, как он работает.

Я понимаю, что мне нужно раскрыть этот пресловутый ментальный механизм и заменить его новым, пока я не закончил свою жизнь нищим бродягой. Но я страшно боюсь это делать, так как подозреваю, что этот механизм и есть мое настоящее Я.

В любом случае деньги — неоднозначная вещь. Теоретически мы должны это инстинктивно понимать. Но фактически мы этого не делаем. К примеру, большинство думает, что деньги — это объективная реальность. На самом деле они реальны, потому что мы считаем их реальностью. Деньги появились в темные века человеческого взаимодействия. В этом смысле они даже круче Бога, потому что Бога нельзя воплотить в реальность верой в его существование. Он либо существует, либо нет. С деньгами все иначе.

Их создали мы. Это наше творение, и оно нас убивает.

Тогда как может парень, которого, по сути, уничтожают его же деньги (об этом говорит даже подзаголовок в его книге «Как деньги привели к закату суперзвезды Уолл-стрит»), называть себя Волком. И уж тем более Уолл-стрит — финансового центра мира? Ведь он же не Волк финансового центра мира, верно? Если бы вы вышли на ринг с Майком Тайсоном и он бы вас нокаутировал, разве вы называли бы себя Волком Майка Тайсона?

Все эти мысли — как вы понимаете, явно не позитивные — посещают меня в тот день, когда мне предстоит раскрыть секрет обладания миллионами.

Я думаю, что Волк — это не Джордан Белфорт. Возможно, это вообще не человек: Волк — это *сами деньги*.

Надо будет спросить об этом Белфорта, а еще лучше — Мартина Скорсезе. Я знаю, что Скорсезе снимает фильм «Волк с Уолл-стрит». Посмотрим, что он сделает с этой историей, как покажет накал порочных страстей, ехидный нервный смех, озвучит ненормативную лексику, льстивые дифирамбы и раскроет власть денег.

Белфорта, с его харизмой падшего ангела, будет играть Леонардо Ди Каприо.

Пока на темном небе моего пробуждающегося ума вспыхивают и гаснут эти кометы, я протягиваю руку к будильнику. Опоздание сегодня равносильно катастрофе.

Этим утром я должен запомнить две вещи — я даже записал их на листке бумаги, который положил на прикроватную тумбочку.

Я беру у Белфорта интервью для журнала. Я зарабатываю тем, что беру интервью в основном у богатых и очень богатых людей (и преимущественно у мужчин по целому ряду причин). Я побуждаю их рассказывать о себе, что не так легко, как может показаться. Моя цель состоит в том, чтобы выудить у них тайны, раскрыть их секреты, пробраться в темные глубины их сердца, а потом нанести вероломный удар — не буквально, конечно, аfigурально. Показать их внутреннюю боль. Слезы этих людей — мои золотые монеты.

Прежде чем встретиться с героями очередного репортажа, я всегда стараюсь понять, что их мотивирует. Пытаюсь представить себя на их месте, делаю и редактирую записи. Я продумываю все до мелочей.

У меня на тумбочке лежит бумажка. В полумраке зашторенного помещения я вглядываюсь в ее содержание:

- 1) как он заработал столько денег;
- 2) почему он свернул на преступный путь.

Скомкав бумажку в шарик и швырнув его в дальний угол спальни, я снова откидываюсь на подушку и дотягиваюсь наконец до будильника.

Сигнал умолкает.

Я должен раскрыть этот механизм, пока не поздно. Правда, может случиться так, что этот механизм и есть я.

А что, если дело во мне?

* * *

Лежа в тишине, я размышляю о своем финансовом положении. Мне становится тошно и страшно уже от одних этих размышлений; негативные мысли и чувства поднимаются откуда-то из живота и пронизывают каждую клеточку тела. Мне нужно от них избавиться — как от следов преступления, прежде чем ретироваться, — но чем больше я стараюсь, тем хуже получается.

Но я *не* должен так думать!

Окей. Мое финансовое положение. Выражаясь экономически-ми терминами, я, как и большинство граждан, в настоящее время испытываю дефицит бюджета. Другими словами, трачу на жизнь больше, чем зарабатываю. Дефицит — это не то же, что долги. Дефицит — это текущее превышение расходов над доходами, за которое вы будете наказаны в будущем. Долги — это следствие прошлых финансовых перекосов. Это наказание, которое вы уже несете.

Я отдаю себе отчет, что заслуживаю этого наказания — этой *кары*. Я несу ее, потому что на каком-то уровне, возможно, хотел этого.

Я ненавижу все это. Я не хочу об этом даже думать. Но я *вынужден*, я *должен*.

Меня карают обеспеченные и необеспеченные кредиты, неоплаченные счета и налоги, пени, штрафы, судебные иски и дела, которые я уже проиграл, или не оспаривал, или забыл. Эти дела возвращаются в виде посланий разного рода, написанных тем или иным тоном, а потом и в виде реальных людей — в основном мужчин, не слишком хорошо одетых и не разбирающихся в обуви. Когда эти мужчины (периодически и женщины) наносят мне визиты, я веду себя исключительно вежливо. Я предлагаю им чай, кофе и закуски. Думаю, это имеет значение.

Мною движет желание жить на широкую ногу, поэтому я одерживаю деньги — у банков, корпораций и частных лиц — и не возвращаю их в срок, потому что, честно говоря, никогда не горел

таким желанием, просто хотел денег. С деньгами я чувствую себя моложе и здоровее. Они покупают мне время. С какой стати я должен хотеть с ними расстаться?

Я знаю, что обязан вернуть долги. Их следует вернуть. Но почему я должен их возвращать?

Короче говоря, я *намереваюсь*, но не *хочу*, поэтому в мой дом частенько наведываются незваные гости. Мы разговариваем, пьем чай, и на какое-то время они оставляют меня в покое.

— Дайте мне время, — говорю я им.

* * *

Я не отношусь к типу людей с коммерческой жилкой. Раньше, в юные годы, я был слишком привилегирован, чтобы думать о деньгах. Сейчас я недостаточно привилегирован, чтобы о них не думать.

Мир треснул по швам, и я провалился в трещину. В этом никто не виноват. Да, верно. Никто. Кроме меня.

Это моя вина.

* * *

Моя работа. Я продаю журналам историю. Но, по сути, я продаю не историю читателям, а читателей рекламодателям — вот такой грязный трюк. Еще одно заслуживающее кары деяние. Если точнее, я продаю внимание читателей. Я рассказываю свою историю так, чтобы в нужный момент их взгляд устремлялся на гламурную рекламу.

К примеру, я говорю: «Я знаю, что вам будет интересна личность, с которой я общался, ля-ля, тополя... — А потом добавляю: — Ой, гляньте-ка, какой классный автомобиль. Хромированная сталь. Толстенные шины. А взгляните на эти часы / на этот удивительный пляж с белоснежным песком / на это кристально чистое море».

«Взгляните на фотографии этих женщин». Тщательно отобранные проплаченными фоторедакторами.

Все решает не его или ее — фоторедактора — мнение. Все решают деньги.

«На секунду задержите свой взор на этих изображениях. Какое замечательное тело у этих женщин! Какое оно гладкое и упругое. А как соблазнительны их щечки и бедра! Вглядитесь в конкретные человеческие лица и фигуры — это вызовет в вашем мозгу и организме цепную гормональную реакцию. Запечатлейте в своем сознании эти образы. Вы испытаете целую гамму эмоций: тоску, зависть, досаду, злость, ярость, неуверенность в себе, стыд,nostальгию, амбиции. Внутри вас словно открываются краны, содержащие которых, тонкой струйкой просачиваясь в кровь, неизменно повлияет на ее состав».

Иногда мне хорошо платят. Однако получать хорошие гонорары не значит быть богатым. Это даже не значит быть обеспеченным.

Я не только беру интервью у богатых людей. Если составить круговую диаграмму затрат моего времени, то интервьюирование богатых людей заняло бы один небольшой сегмент. Еще один сегмент — это просиживание в кафе, еще один — бесцельное шатание по округе.

Остальная — львиная — доля этой диаграммы не имеет четкого названия. Я сижу или лежу, часто в постели, читаю книги. Развиваю навязчивые идеи: например, о том, как обезьяны превратились в людей. Все знают, что они это сделали. Но *как именно?*

А как они создали мой мир — современный мир? Мир, который со временем, конечно же, рухнет.

Мы, как и наши предки, считаем себя современными. Но это не так. Мы уже древние.

Я мог бы быть философом.

Ой, нет. Не начинай.

Как бы то ни было, двадцать с лишним лет назад я научился скорочтению и теперь просматриваю как минимум одну книгу в день.

Между тем дефицит моего бюджета растет. И мои долги. Мое наказание. О нем я не хочу думать, потому что от этого мне становится тошно.

Мое наказание. Я отодвигаю его на задворки сознания, но оно подкрадывается.

Это странный шум в пустом доме. Это лицо в окне темной ночью.

* * *

Звенит будильник. Я что, уснул? Мне нельзя сегодня опаздывать — нельзя. Я приподнимаюсь на локтях. Нужно действовать, и быстро.

Окей.

Как он заработал столько денег?

Почему он свернул на преступный путь?

Этот преступный путь сбивает меня с толку. Джордан Белфорт заработал десятки миллионов долларов, но его не покидало чувство неудовлетворенности. Он считал, что у него *недостаточно денег*, поэтому изобрел идеальную, но преступную схему финансовых махинаций. В итоге загремел за решетку.

Должно быть, в какой-то момент у него в голове что-то щелкнуло, и я уверен, что это произошло из-за денег.

Деньги — сложная штука. Они одновременно реальны и нереальны. Когда у вас есть деньги, вы их не видите, потому что они являются частью вашего мышления, частью вас. Деньги есть, и их нет.

Это — магия. Это — колдовство.

Пожалуй, я знаю, когда появились деньги: в тот самый момент, около двух миллионов лет назад, когда обезьяна, смотря на пожар, изменила привычное мышление.

Обезьяна видит огонь. Правая половина ее мозга обрабатывает информацию.

Огонь!

А потом...

А потом, впервые в мировой истории, левая, творческая, половина мозга обезьяны преобразовывает эту информацию.

Почему бы не подуть на огонь? От этого он, естественно, разгорается еще сильнее.

Можно получить что-нибудь *просто так, на халяву.*

Такого не может быть, или все-таки это возможно?..

* * *

На телефоне снова срабатывает сигнал. Он установлен через каждые две минуты. На третьем повторе начнет звенеть запасной будильник «Челси». На самом деле мне следовало бы иметь будильник «Арсенала», потому что я болею за эту команду, но по какой-то причине я приобрел часы «Челси» — клуба, принадлежащего российскому миллиардеру (владелец «Арсенала» тоже российский миллиардер, но «победнее»). Так долго томившиеся взаперти русские — более матерые хищники, чем остальная человеческая братия. Они голоднее. У них более острые зубы.

В прежние времена вы надеялись, что деньги помогут вашей команде победить. Теперь же вы надеетесь, что победа поможет вашей команде заработать деньги. Раньше деньги были помощником в игре. Теперь они и есть игра. Это сказал Маркс. И явно не о футболе.

Что дальше: кофе? Если будет время. Но у меня нет времени даже на то, чтобы остановить эшелон мыслей об обезьянах, не говоря уже о том, чтобы поставить чайник и, пока он закипает, забросить в кофейник кофе и столовую ложку меда.

В плане времени у меня две крайности: вагон с телегой на себя, любимого, и оторванные от сердца крохи — на все остальное.

Мне надо создать биржу времени: покупать его у бедных, у которых обычно времени полно, и продавать богатым, которым

вечно его не хватает, потому что деньги съедают время. Биржа времени — блестящая идея; может, даже глобального масштаба. А может, и бредовая.

Даже не знаю.

Практически полностью проснувшись, расчесываю пальцами волосы. На постели книги, «затрепанные любовью», как старые плюшевые мишки: «Как стать богатым» Феликса Денниса, «Касаясь пустоты» Джо Симпсона. Истории взлета и падения.

А еще Нассим Талеб, Патрик Вейтч, Ричард Рэнгем, Аарон Браун, Мэтт Ридли.

Мои воображаемые коллеги.

Я свешиваю ноги и задеваю ими бутылку с водой. Ноги на мокром ковре. Неприятно.

Возникают новые мысли: почему я не на тропическом острове, в роскошном особняке, на террасе, с ногами, опущенными в бассейн? К примеру, сижу и читаю бестселлер. Или, раз уж на то пошло, пишу бестселлер. Почему бы не написать бестселлер?

Знакомая мысль. Я ее периодически редактирую.

Бип-бип-бип. Будильник «Челси».

* * *

Я встаю. Четыре минуты на душ. Мне нужна новая ванная комната. Я хочу новизны и блеска — блеска плитки, стеклянных панелей. Однако мое «хочу» получает пинок под зад.

Или нет?

Я почти уверен, что когда-нибудь будильники богатых людей будут звонить не громко и резко, а тихо и постепенно, запуская механизм движения человека по типу производственной линии: от туалета к ванной, затем к гардеробной и т. п. Если бы люди просыпались от запаха жареного бекона или тостов и, открыв глаза, находили себя за столом с восхитительным завтраком!..

Моя голова проясняется. Я уже вполне хорошо соображаю. Просто не выспался.

Возвращаюсь в спальню. Кровать напоминает разрушенное гнездо, а пол — каток из глянцевых журналов. Мокрый, как гусь, я ищу чистое полотенце. Я знаю, что одно или два полотенца в недавнем прошлом *целыми днями* валялись на полу, собирая грязь, споры, отмершие частицы моего эпидермиса или что там еще. Будь у меня больше времени, я мог бы попытаться вычислить, какие полотенца грязные, а какие чистые, но, поскольку времени у меня мало, придется рисковать. Проблема в том, что я не люблю рисковать. Возможно, это главная причина, почему у меня нет миллионов.

Полотенца. Пять или шесть штук. Все еще обтекая на тот же ковер, я в растерянности смотрю на них и на какое-то мгновение застываю, не понимая, что делать.

В этот момент раздается стук в дверь.

И крик.

Мужской.

— Такси!

* * *

На вокзале я рассчитываюсь картой. Скупая слеза скатывается по орбите моей глазницы. Парень за стеклом что-то невнятно бормочет. Я представляю, как конфиденциальные данные моей карты куда-то передаются, отчего вдруг начинает щемить в груди, и я невольно проклинаю тот факт, что у меня всего одна банковская карта, что у меня нет пачки долларовых купюр, что у меня нет собственного дома, что я ненавижу свою ванную комнату и что не могу себе позволить такие вещи, как, например, обслуживание в лучшей стоматологической клинике.

Я путешествую вторым классом. Тот факт, что существует два класса, имеет какую-то психологическую подоплеку, и я с самого

начала знал, что буду путешествовать в классе, который победнее. Спрашивать более дешевые места — это моя установка по умолчанию.

В принципе сами *места* — сиденья — меня вполне устраивают. Дело не в *местах*.

Дело в контингенте. В людях. Я чувствую их свистящее и хрипящее дыхание, их доведенное до предела терпение, их отвращение к себе, их сжатые кулаки, их скрежещущие зубы — их уровень социального развития, с которым ты ничего не можешь поделать. Вспоминаю одну женщину, которая сошла на отдаленной станции и перепрыгнула через ограду, за которой начинался лес. Думаете, она исчезла в лесу? Нет, через пару минут эта женщина вернулась с двумя здоровенными булыжниками и стала бросать их в окна поезда. При каждом броске она издавала крик теннисистки. В тенисе его называют кряхтением, но он больше похож на истошный вопль. Благо, окна оказались крепкими.

Мысли снова возвращаются к банковской карте.

Почему я флиртую с бедностью. Я не знаю, но я должен знать. Это знание должно быть где-то в глубинах моего подсознания, но я не хочу туда проникать, поэтому гоняю одну и ту же мысль по знакомому замкнутому кругу: почему я флиртую с бедностью, почему я до нее докатился, почему допускаю ее в свой дом и в свою жизнь. Я не знаю, но я должен знать. Я не хочу об этом думать, но я *думаю* — и я *подумаю*, но только не сейчас, не сейчас...

Я опоздал на рейс, позволявший идеальное неторопливое путешествие, но еще успеваю на встречу.

Кассир проделывает манипуляции с моей картой и вставляет ее в терминал, так что эта машина может заглянуть в самые дебри моей финансовой души: доходы, расходы, внезапные каскады плюсов и минусов, приятные скидки и бонусы, импульсивные покупки; машина знает о том, как на прошлой неделе я больше не мог ждать автобуса и моя рука сама остановила такси, меня унесло от